

ИГРА С НОВ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Брусницын

Алексей Брусницын
Игра снов
Серия «Приключения
Буратино», книга 3

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68897811

SelfPub; 2023

Аннотация

Третья книга серии "Приключения Буратино". Все книги серии автономны и могут читаться по отдельности. Что будет с нами после пришествия технологической сингулярности? Куда заведёт человечество игровая индустрия под управлением искусственного интеллекта? Как трансформируются представления о чести, совести и смысле жизни. Главный герой существует на грани двух миров: антиутопической реальности и виртуального средневековья.

Содержание

1. Сон I.	4
2. День 1-й.	13
3. Сон II.	19
4. День 2-й.	27
5. Сон III.	34
6. День 3-й.	50
7. Сон IV.	55
8. День 4-й.	68
9. Сон V.	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Алексей Брусницын

Игра снов

Свойство женщины – это плакать, ткать и обманывать. Нет ничего удивительного в том, что вследствие лукавых происков дьявола, с божьего попуска, даже и ведьма заплачет.

*«Молот ведьм», 1486 г. от Р. Х., Яков Шпренгер,
Генрих Инститорис*

1. Сон I.

Было то самое прекрасное время года, когда уже не жарко и еще не холодно. Блестело солнце, щебетали птицы, травы, как им и положено, зеленели. Желтых листочков было еще совсем немного, и они сверкали, как крупички золота на изумрудном фоне. А аромат, господи, какой же аромат стоял в осеннем лесу!

Закари Вентер, бывший крестьянин, три недели назад поступивший на ратную службу в личное войско герцога Альбрукского, покачивался в седле, верховая езда доставляла молодому человеку неизъяснимое удовольствие. Он был одним из дюжины воинов охранения при герцогском гонце, который вез деньги в столицу для уплаты налогов.

Гонец ехал впереди кавалькады, ратники за ним по двое.

Все были достаточно беспечны и относились к своей миссии более как к увеселительной прогулке и предвкушали столичные развлечения, в глубине души потешаясь над обычаем отправлять деньги с таким грозным сопровождением. И где? В центре самого просвещенного и безопасного королевства, где про разбойников уже лет пять и слухом не слыхивали. Где-то, может, и промышляли они в глухой провинции, но здесь, в последнем лесу перед столичной заставой, откуда им взяться? Да еще и среди бела дня.

Закари ехал сразу позади гонца. В пару ему достался Бертран – добродушный мужик лет сорока пяти, любитель почесать языком и не дурак выпить. Он вводил молодого в курс дела, периодически доставая откуда-то из-под нагрудника небольшой мех. Прикладывался, крикал негромко и вещал:

– А ты знаешь, что герцог-то наш тоже из служилых. Как же? Он был ратником еще у старого герцога Альбрукского Карла Велеречивого.

– Скажешь тоже... – хмыкнул Закари.

– Мне не веришь, спроси, кого хошь, – разозлился старик. – И слова не скажу больше. На кой рассказывать, коли тебе веры нет?

– Ну прости, прости, дядька. Просто чудно это все. Как это так возможно из грязи в князи перепрыгнуть?

– Ладно. Слушай тогда и не перебивай, – добродушно разрешил бывалый воин. – Мы ж вместе с ним начинали. Оба

из одной деревни. Оба служили верой и правдой, но у него ловчее, что ли, получалось. И заслужил я только шрамы да перстень вот этот памятный, а он рыцарское звание и захудалую деревушку с тощими крестьянами. А потом на войне спас жизнь самому герцогу, и пожаловали ему титул баронета и две зажиточных деревни друг от друга через речку. А потом, уж не знаю за какие такие заслуги, отдал старый Карл, это уже когда сам на одре, понимаешь, был, за молодца свою дочку. И стал простой солдат его светлостью. Вот ить как бывает...

– Так а зачем же за безродного? Она красавица вон какая, герцогство чуть ли не лучшее в королевстве, хоть и приграничное. Мог хоть за принца ее выдать.

– Ну так пойди пойми. У них, у благородных, башка сложнее, чем у простых людей устроена. Я у изголовья стоял, слышал, как он нашему-то сказал: один, значит, способ у нас с тобой имеется, чтоб сувренёт у герцогства соблюсти. Женись, говорит, на дочери моей, и дело с концом... Бог его знает, что за «сувренет» такой. Даром, что Велеречивым прозвали, порой такие слова говорил, будто сам себе на потеху выдумывал.

– Суверенитет. Это независимость значит.

– А-а-а... Понятно.

Бертран замолчал, о чем-то размышляя. Закари тоже задумался о превратностях судьбы. О том, что же он сам должен такое сделать, чтобы заполучить и богатство, и власть,

и любовь в придачу...

Тут ход его мыслей был прерван самым неожиданным образом.

Гонец вдруг остановился и поднял руку. Бертран, похоже, задремал, потому что продолжал ехать. Закари пришлось позвать его по имени, чтобы старик очнулся. Да и остальные явно были не готовы быстро реагировать. Строй нарушился, отряд сбился в кучу.

Шагах в тридцати впереди поперек дороги лежало дерево. На стволе сидел какой-то неопрятный тип в капюшоне. С десятков подобных стояли за ним с разнообразными орудиями крестьянского труда в руках: вилами, косами, цепями. Выглядели они весьма недружелюбно.

– Ребята, а что это вы здесь устроили? – закричал проснувшийся Бертран. – Зачем дерево такое красивое сгубили? Ох не похвалят вас за это королевские лесничие...

Тип спрыгнул с дерева, подошел на несколько шагов ближе и скинул капюшон. Оказалось, что он кривой и отсутствие правого глаза скрывает с помощью перевязи из черной тряпки.

– Мы не разбойники, как вы, господа, могли подумать, мы мятежники. Я предводитель, меня Питер кличут. А кто вы такие? – произнес он деловито.

Гонец надменно отчеканил:

– Послушай-ка меня, Питер ты одноглазый. Мы состоим на службе у их светлости герцога Альбрукского, имя которо-

го наводит ужас на разбойников по всему королевству. Если с нами что-нибудь случится, с вас со всех шкуры заживо сдерут!

Очевидно, эта угроза действия не возымела; со всех сторон из-за деревьев донесся грубый смех.

Гонец заерзал в седле и уже менее уверенно добавил:

– И с ваших жен... и с детей... сдерут.

– Господин хороший, остановитесь, умоляю вас, – явно издеваясь, произнес предводитель повстанцев, – пока вы до родителей не добрались... Мы лишь хотим избавить вас от ненужного бремени. Клянусь, вы и ваши спутники сможете следовать дальше совершенно невредимыми, если отдадите нам то, что предназначается этой зажавшейся скотине королю.

Гонец уже собрался с духом, к нему вернулся надменный тон.

– Не понимаю, о чем ты говоришь, мерзавец. А ну прочь с дороги!

– А что это такое у вашего седла? – Питер указал пальцем на переметную суму с деньгами. – Не позволите ли взглянуть на содержимое?

– Одним глазком? – гонец оглянулся на ратников, гордый своей шуткой. Те послушно засмеялись. – Так я тебе, черт кривомордый, собственноручно этот твой последний глаз вырежу. Ты, свинья эдакая, действительно полагаешь, что толпа чумазных пейзан может напугать бывалых воинов?

– Господин гонец, вы подвергаете опасности не только себя, но и своих людей. Подумайте, насколько ваши жизни ценнее кружочков желтого металла.

– Наши жизни принадлежат герцогу, а золото королю, и не тебе, псу шелудивому, разевать пасть на то и на другое!

– Умоляю вас перестать браниться. Бог свидетель: вы вынуждаете меня идти на крайние меры.

Гонец не стал отвечать на эту невнятную угрозу, выхватил меч и направил коня на кривого. Тот махнул рукой. В следующий миг раздался свист разрезаемого воздуха, затем глухой металлический удар. Гонец откинулся назад и безжизненно сполз с остановившегося коня в дорожную пыль. Из нагрудника его доспеха, с левой стороны, торчало оперенье арбалетного болта.

Ратники выхватили мечи и опустили забрала. Они ждали команды от старшего. Бертран открыл было рот и выпучил глаза, но кривой опередил его.

– Господа! Предостерегаю вас, мои ребята кругом, они в минуту напигуют вас стрелами так, что вы станете похожи на дохлых ежей.

После непродолжительного колебания Бертран потупил взор и произнес:

– А ну, ребята, делай как я! Тогда и живы все, даст бог, останемся, и господину нашему еще послужим...

И вложил свой меч в ножны.

– Надо же, какое мудрое решение! – восхитился предво-

датель мятежников. — Слушайте его, парни, коли до почтенных лет дожить желаете.

Растерявшиеся ратники один за другим исполнили трусливый приказ. Последним повиновался Закари.

Питер развеселился:

— Первый гонец от маркиза Мирланда был. Ну так там и охрана не вам чета: шесть пижонов в бархате и со шпажонками. Накостыляли мы им, все ценное отобрали да и отпустили восвояси. У каждого по арбалету было дорогому в серебряном окладе. Хороши арбалеты. Думаю, ваш гонец оценил... Вы посмотрите кто-нибудь, пока суть да дело, что там с ним. Может, жив еще, слова последние сказать хочет.

Закари спешился и пошел к гонцу.

— Вот потому и не быть тебе никогда рыцарем, — шепнул он, минуя Бертрана.

Кривой продолжал глумиться:

— У вас мы оружие отбирать не будем. Вы воины — для вас это позор. Сейчас ребята дерево с дороги стащат, и поедете себе дальше. А хотите, обратно езжайте. За следующей порцией. Мы тут подождем. Да, ребята?

Ответом ему был дружный гогот как минимум пятидесяти глоток.

Гонец оказался мертвее мертвого. Лицо его было грозно — наверное, он не успел ничего понять перед смертью — болт пробил сердце.

Закари пожалел беднягу. Неплохой парень был. Основа-

тельный. Сначала у барона какого-то посланцем служил, потом его виконт забрал, и, наконец, герцог в кости выиграл. Может, надеялся в итоге королевским гонцом сделаться. И вот погорячился, недооценил опасность. И все. Карьера и жизнь псу под хвост...

Предводитель тем временем продолжал балагурить:

– Вторые от графа Голуата прискакали. Тоже бывалые воины. Упрямые, как бараны. Все полегли. Не оказалось у них такого мудрого командира, как у вас. Мы им могилку братскую обустроили на полянке, здесь неподалеку. Честь по чести.

Тут к потерявшему ездока коню подошел один из бандитов с арбалетом за спиной, возможно, как раз тот самый, что убил гонца, и начал вставлять ногу в стремя.

У Закари мгновенно созрел план. Он вытащил незаметно кинжал, подскочил и заколол неловко карабкающегося в седло арбалетчика куда-то в почку. Взлетел на коня и вонзил в него шпоры.

Гонцов скаун был один из лучших в королевстве. Закари направил его прочь с дороги в лес. Из кустов наперерез выскочили два оборванца – один с топором, другой с вилами. Ратник уже держал в руке меч вместо кинжала, который остался в арбалетчике. В следующее мгновение один из нападавших лишился руки, другой головы.

Конь неся галопом сквозь лес. Всадник еле успевал уворачиваться от ветвей и следить, чтобы жеребец не споткнул-

ся о корни.

Скоро Закари убедился, что погони за ним нет, выехал на дорогу и перевел коня на рысь. В щите, подвешенном у ратника за спиной, торчали три разбойничьих стрелы. Только теперь он обратил внимание на боль. Бедро было в крови. Закари прижал к ране платок и так доскакал до столичной заставы.

Рана оказалась пустяковой: стрела скользнула по кольчуге, порвала штаны и неглубоко оцарапала кожу. Ратнику наскоро перевязали рану и с почетом сопровождали в королевский дворец, где он и сдал золото казначею.

Потом отвели на королевскую кухню. Закари ел с аппетитом, но почти не чувствовал вкуса изысканных блюд – в голове крутились картины произошедшего, а еще он гадал, каким будет его вознаграждение.

Он принял горячую ванну с помощью двух симпатичных и безотказных горничных, любезно подосланных мажордомом. После всего упал на пышную перину и мгновенно отошел ко сну с чувством выполненного долга.

2. День 1-й.

Номер ТА5625/27/32/08D проснулся 3 сентября 2083 года в своем саркофаге и еще несколько минут лежал с закрытыми глазами, переживая ощущения при переходе от гипносна к реальности и с удовольствием перебирая в памяти подробности пережитого во сне приключения. Шланги и присоски, отводящие различные биологические выделения во время сна, с чваканьем и шипеньем отошли от тела и скрылись в стенках устройства.

32/08 открыл глаза. На мониторе, вмонтированном в крышу саркофага, в обрамлении средневекового орнамента появилась статистика последней сессии игры «Время ведьм».

Время в игре 76 часов 16 мин. 54 сек.

Навыки:

Верховая езда +83

Владение оружием:

Меч/сабля/шпага +112

Кинжал/стилет/нож +56

Щит +25

Лук/арбалет +27

Осадные/оборонительные орудия +0

Лидерство +5

Дипломатия +13

Обаяние +48

Торговля +16

Лечение +33

Танцы +37

Любовные утехы +94

Богатство/благополучие:

Золото +3 монеты

Серебро +28,5 монеты

Самоцветы +0

Титул/звание:

Ратник. (Доступен следующий уровень).

Прочие достижения:

Уничтожены 4 противника.

Покорены 3 женщины.

Смещение кармы в светлую сторону на 28 пунктов.

Общий опыт 549 очков. (Доступен следующий уровень).

Пока 32/08 пролистывал статистику, саркофаг наполовину наполнился водой, горячими душистыми струями омыл тело, прополоскал волосы и почистил манипулятором со специальной насадкой зубы. Напоследок окатил холодной водой для бодрости.

Мир игры «Время ведьм» нравился 32/08. Не приходилось ждать неделями каких-то интересных событий, увязая хоть и в приятном, но все же рутинном виртуальном существовании. Карьерный рост по сценарию, похоже, тоже не

заставит себя ждать. Интересно, какую награду получит его персонаж за инкассаторские услуги?

Следующую сессию он заказал в этой же игре.

Тем временем саркофаг теплым воздухом высушил тело и обернул в серую рабочую униформу. Пора было выбираться наружу.

Шестигранные индивидуальные устройства сна, ИУС, или попросту «саркофаги», имели объем в два кубометра и были уложены вплотную друг к другу, как пчелиные соты. Они занимали все пространство от пола до потолка в три ряда. Обладатели верхних саркофагов спускались по металлическим скобам, и их излюбленной шуткой было как будто случайно наступить на выползающего снизу соседа.

В секции улья жили двенадцать пчел. Выбравшись из стены с саркофагами, они попадали в узкое помещение площадью метров двадцать, выполнявшее функции столовой, в котором находились холодильник, аппарат для выдачи напитков и длинный стол с привинченными к полу скамейками. В одном из торцов столовой имелась дверь в общий санузел на три унитаза и три раковины, в противоположном – выход в общий коридор улья.

Интерьер секции был скуп и исключительно практичен. Только иллюминаторы саркофагов, подсвеченные голубым, оживляли унылую обстановку.

Когда 32/08 вылез из своего ИУС, расположенного в среднем ряду, все уже толклись в общем помещении.

В его холодильной ячейке лежали два контейнера с этикетками «завтрак» и «ужин». Их полужидкое, аморфное содержимое отличалось только цветом – различными оттенками зеленого. На пакете значилось: «Перед употреблением питательную массу разогреть!». Он никогда не разогревал. Глотал так; холодная масса вызывала меньше неприятных ассоциаций и почти не имела ни запаха, ни вкуса. Пчелы неправильно называли питательную массу «пластиковой кашей» – кроме синтетики она содержала достаточно ингредиентов растительного и животного происхождения. Для каждого жильца калории в ней были рассчитаны индивидуально в зависимости от телосложения и рода деятельности.

Только что он уплетал фуа-гра под совершеннолетний сотерн на королевской кухне, а теперь запихивал в себя нечто склизкое. Этот контраст был ему давно привычен. Там были веселые, предупредительные люди, здесь – угрюмые рабочие пчелы, пожирающие скотскую жвачку и изрыгающие ругательства и скотские же шутки. И самое странное, что это были одни и те же люди. А одной из купавших его горничных вполне мог оказаться вон тот прыщавый юнец с испачканным зеленой слизью подбородком. 32/08 даже замотал головой, чтобы отогнать эту мысль.

Он всей душой ненавидел реальный мир, но при этом понимал, что именно этого и хочет от него Система. Реальность должна быть адом, чтобы виртуальный рай казался в сто раз прекрасней...

Противно завывла сирена, створки запирающей секцию двери разъехались, проход загорелся по периметру зеленым – пора было отправляться на работу.

Пчелы серыми ручейками вылились из секций и потекли реками по коридорам. Часть потока всасывалась воронками лифтов, другая обрушивалась водопадами на эскалаторы. Наконец людское течение выливалось в бурлящую запруду вестибюля и выплескивалось под напором на улицу, где снова распадалось на ручейки, утекающие в шаттлы заводских развозок.

Медеплавильный цех был самым настоящим филиалом ада на земле. 32/08 работал оператором печи. Основной его обязанностью было мешать плавящийся металлолом. Он одевал специальную противопожарную куртку, сталеварские краги и шлем с мутным пластиковым забралом и шевелил двухметровым стальным прутом оранжевое варево, разогретое до температуры тысячи трехсот градусов. Прут постепенно становился все короче – плавился.

Важно было не допустить застывания слоя, контактирующего с атмосферой. Как-то раз, в самом начале своей работы, 32/08 отвлекся. Засмотрелся, как из соседнего тигельного жерла, разбрызгивая во все стороны огонь, льется оранжевая лава. Вернувшись к печи, обнаружил, что поверхность расплава затянула твердая корка из мелких, слипшихся опилок, которые он высыпал за пять минут до этого и, види-

мо, не перемешал как следует. Он пробовал расшевелить потемневший шлак, но уже ничего не получалось. В панике горе-металлургу показалось, что печь необратимо испорчена. Тут прискакал хромой старик, обслуживающий соседнюю печь, выхватил прут и, беспрерывно извергая грязные ругательства, какими-то особыми приемами разбил корку. Потом 32/08 узнал, что «старику» всего тридцать восемь...

У тех, кто работал на заводе по несколько лет, были суровые землистого цвета лица. Они не любили разговоров, и, казалось, вместо того, чтобы ответить, могут ударить болтуна за то, что тот отнимает у них время, которое можно было бы потратить гораздо полезнее – перемешивая металл.

На обед в заводской столовой подавали жижу с повышенным содержанием легкоусвояемых углеводов и напитки с ударной дозой энергетиков.

Двенадцать часов смены казались бесконечными, особенно последние два.

До подвозки пчелы еле плелись, преодолевая привычную, но не становившуюся от этого легче усталость.

Единственным вечерним развлечением был ужин, богатый белками для восстановления мышечной массы. Прикончив его, все спешили укрыться в своих саркофагах.

Ровно в двадцать два ноль-ноль 32/08 вдохнул приятный запах снотворного газа и полетел навстречу волшебному сну.

3. Сон II.

На обед Закари был зван ко двору. И хотя усадили его почти в самом конце пиршественного стола, у самого входа в трапезную, он был горд и счастлив.

Король Альфред II Хлебосол всячески оправдывал свое прозвище. Столы ломились от яств, и каждый мог выбрать угощение по вкусу.

Закари заинтересовали странные продолговатые тельца, похожие на червей с шипами, выложенные лучами на круглом блюде. Сосед, краснолицый и тучный, заметил его интерес и пояснил:

– Это запеченные трепанги. Моллюски. И не вздумайте употреблять их без этой приправы, – он указал толстым пальцем на соусницу с чем-то темным и жидким посреди блюда.

Закари поблагодарил за совет и наколол на вилку один трепанг на пробу. Отрезал тонкий ломтик и обмакнул его в соус. Это было нечто явно морского происхождения, нежное и в высшей степени пикантное. Закари даже зажмурился от удовольствия. Как оказалось, не только он оценил вкус моллюсков; блюдо пустело довольно быстро. Закари еле успел подцепить еще одну тушку.

Тут король поднял руку, призывая к тишине. Все мгновенно замолкли, но кто-то из придворных, очевидно изрядно

подвыпивший, продолжал болтать с сидящей рядом дамой. Король метко запустил в невежу мандарином. Придворный смешно испугался, изрядно повеселив присутствующих.

– Хочу рассказать вам, дамы и господа, о подвиге одного из приглашенных на эту скромную трапезу. Сей муж продемонстрировал верноподданнические чувства в самом крайнем их проявлении. Рискую жизнью, спас драгоценный груз, предназначенный его господином для королевской сокровищницы.

Встав из-за стола, монарх провозгласил:

– Закари Вентер, приблизься и приклони колено. Ты покинул замок своего господина простым ратником, а вернешься рыцарем.

Юноша затрепетал от счастья, почти побежал к королю, встал на правое колено и склонил голову.

Король вынул свой меч и опустил его плашмя на правое плечо Закари, затем перенес через голову и прикоснулся к левому.

– Будь храбр и верен, – торжественно произнес Альфред. – Встань, рыцарь!

Его величество убрал меч, отвязал от пояса увесистую мошну и кинул ее Закари.

– Отличный конь у тебя уже есть, это на доспехи и прочую экипировку. Герцогу передай, чтоб выделил тебе деревеньку дворов не менее двадцати.

Королевский шут, который отирался в конце стола, закри-

чал, нарушая торжественность момента:

– Ты так наивен, дядюшка. Юношам плевать на верность суверену. Все их устремления направлены на то, чтобы попробовать как можно больше устриц. А в рыцарском меню выбор этих моллюсков гораздо обширнее, чем у ратника. Хотя, как я погляжу, господин Вентер предпочитает трепанги, – шут схватил тарелку Закари, на которой оставался один моллюск, установил его торчком и поднял над головой. – Так что, возможно, нашему рыцарю интереснее то, что скрывают не юбки, а гильфики.

За столом прокатился смех. Король с интересом смотрел на Закари, ожидая его реакции. Молодой человек покраснел от злости, однако он знал, что лучше метко ответить шуту, чем попытаться прибить, поэтому улыбнулся и произнес:

– Судить о постельных предпочтениях по тому, что человек ест за обедом, это все равно что по дерьму пытаться определить, что его хозяин предпочитает – петь или танцевать. Так что не обольщайся, дурачок, в вашей гильдии любителей исследовать содержимое гильфиков членов не прибавилось.

Тут расхохотались все пирующие, и громче всех король. Посрамленный шут укрылся под столом.

Налюбовавшись столичными красотами и нагуляв аппетит, новоиспеченный рыцарь решил отужинать в лучшем трактире города – «Приюте эпикурейца». Он слышал, что,

кроме роскошных яств, в заведении всегда можно было найти прекрасную незнакомку, которая могла стать дамой сердца как минимум на ночь...

За пару кварталов от заветной цели он слышал крики толпы, на фоне которых выделялись чьи-то истошные вопли попеременно с проклятиями. Закари пришпорил коня, предвкушая недоброе.

На площади перед «Приютом» разыгрывалось действие, чрезвычайно его огорчившее. Закари понял, что его планам на вечер сбыться не суждено.

В середине композиции красовался треножник из огромных жердей, связанных наверху. На треножнике был подвешен котел циклопических размеров. Черт знает, где горожане раздобыли такой котел, возможно, одолжили в самой адской кухне. Под котлом полыхал огонь. В закипающей воде багровело лицо, в выпученных глазах которого – мольба и безумный ужас. Кругом бесновались бюргеры, явно одобряющие происходящее.

– В чем провинился сей муж? Почему решено предать его столь жестокой смерти? – вскричал рыцарь.

Из толпы выступил пухлый и очень важный коротышка в ярко-синем берете с богатым плюмажем из экзотических перьев. Он важно произнес:

– Горожане решили заживо сварить Гвидо, хозяина трактира, потому как полагают, что этот злодей добавляет в свою стряпню колдовские зелья.

– Что за чепуха?! – Закари ухмыльнулся. – И каково же их действие?

– Богомерзкие снадобья лишают праведных жен воли и делают беззащитными перед похотью.

Гвидо заверещал из котла:

– Поклеп! Этот скарעד не дает жене денег на ленты, вот она и ищет благосклонности у щедрых кавалеров. А моя кухня тут ни при чем!

Из толпы раздались женские голоса:

– Это чистая правда! После его жаркого я сама не своя.

– Я поела в «Приюте эпикурейца» бычьих хвостов с кашей и ничего не помнила после этого до утра.

– А я отведала перепелов, тушенных в розовом вине, и очнулась в объятиях какого-то вертопраха.

– А я попробовала говяжий язык с хреном и еле вырвалась за полночь из лап трех пьяных школяров.

– Стойте, стойте! – попросил рыцарь. – По поводу приворотного эффекта я понял. Еще претензии имеются?

Женщины снова запричитали:

– Мой муж не хочет обедать дома!

– А мой вылил мне за шиворот суп, который обожал ранее!

– Я приготовила своему почки, а он отбил мои собственные и сказал, что у этого дьявола харчи лучше.

– Не все сразу! – взмолился Закари.

Тогда подала голос старуха со злым лицом:

– После того как мужчины отведали кушанья в этом дьявольском вертепе, они ругают нашустряпню. Еда не может быть столь вкусной. Не иначе сам дьявол подсыпает в нее перцу!

– То есть из-за того, что ваши хозяйки не умеют готовить да еще и слабы на передок, вы решили извести лучшего в стране, а возможно, что и во всем мире, кулинара?! – возмутился Закари. – И даже если то, что вы говорите, правда, это всего лишь означает, что нечистую силу заставили работать во благо.

– Да он и сам нечистый! – закричали из толпы.

– И этого антихриста в котел!

– Сам сатана явился спасать колдуна!

Закари понял, что спорить со столь однозначно и решительно настроенной оравой – дело мало того, что безнадежное, так еще и небезопасное. Настала пора действовать, а не разглагольствовать. К тому же со дна котла стали подниматься мелкие пузырьки, а глаза несчастного Гвидо, совсем сомлевшего от жара, закатываться.

– А ну разойдись! – закричал Закари и дал жеребцу шенкелей.

Конь двинулся прямо на толпу, и та с ворчанием расступилась.

Приблизившись к котлу и почуяв жар, скакун испугался и встал на дыбы, но всадник осадил его и подвел вплотную. Потом протянул руку бедолаге.

– Давай на круп!

Надежда загорелась в глазах владельца трактира. Он ухватился обеими руками за руку своего спасителя и проворно вскарабкался на коня. Тот присел, Гвидо был мужчина грузный. Задние ноги бедного животного разъехали, но оно удержалось и выправилось.

Толпа угрожающе загудела, к беглецу и его спасителю потянулись кулаки.

Закари выхватил из ножен меч и рубанул по одному из канатов, на которых висел котел. Котел накренился и потянул за собой всю конструкцию. Чтобы ускорить процесс ее падения, всадник пнул что есть силы одну из жердей. Треножник рухнул, пришибив кого-то в толпе, котел перевернулся, и вода залила костер. Повалил белый дым. Горячая вода устремилась вниз по улице. Люди разбегались в стороны от потока, вереща и давя друг друга. В образовавшийся проход Закари и направил коня. Задирая морду, немного боком, оскальзываясь на мокрых булыжниках, тот загарцевал вон с площади.

Поесть беглецам удалось только поздней ночью, когда они отъехали от города на изрядное расстояние и остановились на захудалом постоялом дворе.

– И все же, как ты не сварился? – удивлялся рыцарь, уписывая холодную снедь за обе щеки. Это было, конечно, совсем не то, что он собирался отведать в «Приюте эпикурейца», но с голодухи казалось вполне съедобным.

– За столько лет работы на кухне к жару поневоле привыкаешь, – отвечал повар. Попробовав еду, он сморщился и оттолкнул тарелку.

– Наш герцог, конечно, заносчив, как и положено герцогу, но очень хорошо платит своим людям. В столице тебе все равно теперь не жить. Поехали со мной, полагаю, твое кулинарное искусство найдет применение при альбрукском дворе, – предложил Закари.

– Похоже, иного выхода у меня нет, – бывший владелец трактира горестно вздохнул и залпом осушил кружку крепкого эля.

– Странно, что тебя не забрал к себе на кухню король, – заметил Закари.

– Он пытался. Но мне предложили жалование в четыре раза меньше, чем я зарабатывал в трактире. Я, конечно же, отказался, но, чтобы не прогневать его величество, сам предложил, поставлять к его столу по одному блюду каждый день. Вчера, например, я приготовил трепангов с особым соусом.

Его светлость герцог Альбрукский встретил их высокомерно, как и положено герцогу, но после того, как вкусил пробный ужин, приготовленный беглым ресторатором, прослезился и буквально умолял Гвидо остаться в замке навсегда.

4. День 2-й.

На этот раз статистика игровой серии отметила смещение кармы персонажа «Закари Вентер» на целых сорок два пункта в светлую сторону и его переход сразу на четвертый уровень, минуя третий.

Как следовало из описания игры, предоставленного компанией-разработчиком и провайдером *Golden Key*, прохождение «Времени ведьм» именно на светлой стороне никаких критических преимуществ не приносило. Творить добро в этой игре было вовсе не обязательно, можно было играть на стороне зла, и это тоже давало свои фишки. Просто более значительное смещение в ту или иную из сторон поощрялось более быстрой прокачкой навыков. Вероятнее всего, это делалось для того, чтобы придать остроту игре и сильнее поляризовать игроков. Разделение на добрых и злых, светлых и темных безотказно работает как в игре, так и в жизни.

32/08 оценил этот остроумный механизм и решил написать хвалебный отзыв в службу поддержки игры. Чтобы не выглядеть подхалимом, он немного поругал качество прорисовки листвы и ландшафтных текстур.

Делал он это не просто так. За эффективное или нетривиальное прохождение игровых уровней, а также ценные замечания по игровому процессу участникам полагалась внутриигровая валюта и уникальные артефакты. Особо отличив-

шиеся получали статус бета-тестеров. Правда, ни одного такого счастливчика 32/08 лично не знал, о них только ходили слухи: обычно это был «один знакомый» или даже «знакомый знакомого». Но где-то, очевидно, такие люди все-таки должны были существовать.

Обитатели ульев делились на три категории.

Самая непривилегированная и малоуважаемая категория работников – вторая. Они носили на воротах своих роб две бронзовые фигурки рабочих пчел. Это были те, кто не мог тяжело и трудно работать. В основной массе это были молодые люди от десяти до четырнадцати лет, которые по закону не допускались на работы высокой интенсивности, и старики, которые по состоянию здоровья уже не могли быть на них задействованы. Бронзовые пчелы проводили на заводах, фабриках, полях и в теплицах от восьми до десяти часов в день и имели право на сутки виртуальной действительности ночью. Таким образом, их субъективное ощущение времени жизни увеличивалось примерно вдвое.

Работники первой категории носили серебряные значки. Они проводили от десяти до двенадцати часов в день на работах высокой и средней интенсивности и могли наслаждаться двумя сутками жизни во сне кряду, то есть жизнь им казалась в три раза дольше.

И наконец, самая многочисленная прослойка – работники высшей категории. Их знаки отличия были золотыми. Они работали от двенадцати до четырнадцати часов в день только

на самых тяжелых и вредных производствах. Их лимит виртуального времени доходил до трех суток за сеанс, что означало четырехкратное удлинение общего ощущения продолжительности жизни, три четверти которой они проводили в виртуальном парадизе.

Бета-тестеров же селили отдельно. На отворотах их синих комбинезонов отливали благородной платиной греческие буквы β . Они работали на роботизированных крупных и государственных предприятиях операторами по восемь часов в день. Это была чисто номинальная должность, поскольку роботы все делали сами. В виртуальной реальности они могли пребывать до недели.

Где-то существовали еще альфа-тестеры с обсыпанными бриллиантами буквами α . Но их никто не знал, даже знакомые знакомых. Для этих небожителей игра в виртуальном мире и была работой. Их время пребывания в виртуале зависело от задания и рассчитывалось индивидуально, а время жизни растягивалось практически до бесконечности.

32/08 без особой гордости носил свой золотой значок в виде рабочей пчелы; он интуитивно понимал, для чего людей делят на категории.

Выйдя на улицу, 32/08 зажмурился от бьющего в глаза солнца. Натуральное, оно было слишком резким, не то что во сне. Там на него можно было смотреть почти не шурясь.

32/08 повезло: он жил днем – таким был его жребий от

рождения. Это и обозначала буква Ди в самом конце его номера. Все-таки часы бодрствования лучше было проводить при естественном солнечном свете; это благотворно сказывалось на психике. Говорили, что живущие в ночи гораздо более нервные и болезненные, чем дневные жители. Сам ритм ночной жизни пагубно сказывался на человеческом организме, и вечно погруженная в ночную тьму реальная действительность делала жизнь вне саркофага еще печальнее. Но не останавливать же станки на ночь...

В принципе, для поддержания психического здоровья солнца хватало и в виртуальном мире, а вопрос с недостатком полезного излучения решался с помощью ультрафиолетовых ламп в саркофагах. Поэтому имел место следующий парадокс: живущие в ночи были загорелыми, а дневные жители имели, как правило, бледный вид, если не были заняты в работах под открытым небом.

До конца рабочего дня оставалось часа три, когда к 32/08 подошел очень злой начальник цеха. В обычном состоянии просто злой, теперь он был разъярен вдвойне.

– А ну, пчела, иди за мной! – буркнул он. При этом вид у него был такой, как будто он сопровождает приговоренного к месту казни.

По дороге выяснилось, что печь одного из старых работников остановлена на чистку и профилактику, поэтому он пока поработает на печи 32/08. Теперь Начальнику нужно

придумывать, чем занять 32/08, как будто других дел нет... Он привел подчиненного к бетонному боксу, в который сгружали металлическую стружку и прочий мелкий металлолом. Под воротами в помещение имелась водоотводная канавка шириной сантиметров пятнадцать и примерно такой же глубиной, забитая металлическим мусором.

– Тут тебе работы как раз до конца дня, – сказал Начальник и вручил 32/08 штыковую лопату.

– А что делать-то нужно?

– Ты тупой?

Начальник отобрал лопату и пару минут поковырял ей в канавке.

– Вот так.

Сунул подчиненному инструмент и удалился, судя по походке, по каким-то невероятно важным делам.

32/08 повозился с полчаса и понял, что такими темпами до конца смены очистит максимум половину. За это по голове его не погладят, а возьмут да и отправят жалобу в бюро жизнеустройства, а те обязательно лишат нерадивого работника нескольких часов, а то и целых суток игрового времени.

В углу заводского двора находилась свалка. Он отыскал там прямоугольный кусок железа подходящего размера и обрезок трубы диаметром сантиметра три. Потом пошел в слесарный цех и приварил железку к трубе.

Такой тяпкой работать было гораздо сподручнее, чем лопатой. Можно было очистить канавку и гораздо быстрее, но

32/08 растянул работу до конца смены, потому что знал, что в противном случае Начальнику снова придется придумать ему какое-нибудь занятие, а это окончательно выведет его из себя.

Когда Начальник пришел с проверкой, то очень удивился, что все уже сделано. Он даже предположил, что пчеле кто-то помог. Тогда 32/08 с гордостью предъявил свой инструмент. От злости лицо сатрапа стало похоже на красную маску дьявола.

В шаттле по дороге домой 32/08 улыбался. Он радовался своей маленькой победе над Начальником. Этот самодур выдал свое намерение подставить работника, поручив ему невыполнимое задание.

Причем это не было личное, ведь 32/08 не давал Начальнику абсолютно никакого повода себя ненавидеть. Это была инстинктивная, воспитанная всем прожитом в этом мире временем потребность презирать и ненавидеть тех, кто на социальной лестнице стоит ниже.

Говорят, на курсах начальников специально учат, как поставить на место, как отказать в просьбе, как внушить чувство вины и развить у подчиненного комплекс неполноценности. Потому что реальная жизнь работника должна быть адом. И если раньше от этого ада нужно было отвлекать с помощью алкоголя и наркотиков, внешних и внутренних врагов, эпидемий и войн, то теперь достаточно припугнуть со-

кращением продолжительности пребывания в виртуальной реальности или отлучением от нее. Для любой пчелы самое страшное – это обычный сон без наведенных, управляемых сновидений. Один лишь бессмысленный ад реальности и никакой альтернативы ему, никакой параллельной вселенной. Начинается ломка пострашнее наркоманской. Если кроме работы ничего больше нет, зачем тогда жить?

5. Сон III.

С грохотом трескалось небо, ревел ветер, выл и свистел. И было непонятно, град ли это барабанит по крыше или озябшие путники стучат в ворота, моля о ночлеге; буря рвет ставни или разбойники с бранью ломаются в дом.

В караульном помещении, освещаемом двумя пятисвечными канделябрами и огнем из очага, было тепло и уютно. Бушующая снаружи непогода только усиливала приятное чувство от пребывания здесь. Комендант гарнизона замка Закари Вентер насадил на вертел изрядный кусок мяса и повесил его над огнем. Сегодня на кухне ничего не готовили. Владелец замка, герцог Альбрукский, уехал охотиться, забрав с собой свиту и большую часть челяди. Повара он, конечно, тоже прихватил с собой, но этот добрый человек перед отъездом для своего друга Закари и его товарищей подготовил особым образом свиную ногу для жарки на открытом огне и соорудил один из своих фирменных соусов.

Когда мясо подрумянилось, Закари достал его из огня, положил на глиняную тарелку и, орудуя кинжалом и двузубой вилкой, принялся за еду. Нежнейшее мясо, политое чудесным соусом, буквально таяло во рту. Он запивал его вином прямо из кувшина и закусывал соленьями, которые Гвидо заботливо присовокупил к мясу. В который раз рыцарь возблагодарил небо за то, что ему довелось повстречать на сво-

ем жизненном пути этого чудесника от кулинарии...

Подкрепившись, комендант решил, что пора производить обход. Он намеренно не придерживался определенного графика, чтобы ратники, находящиеся на постах, были не готовы к его появлению.

На полке стояло шесть латунных свечных фонарей. Закари взял один, снял с конусообразного шипа огарок и бросил в специально отведенное для этого ведро. Туда же выскреб кинжалом оплывший воск. Достал из ларя новую пузатую фонарную свечу с толстым фитилем и насадил ее на шип. На лучине перенес огонь со свечи на канделябре в фонарь.

Убирая кинжал в ножны, он в очередной раз залюбовался им. Герцог вручил Закари меч, приличествующий рыцарскому статусу, и этот кинжал взамен утраченного в переделке. Это было необыкновенное произведение оружейного и ювелирного искусств. Зеркальный, совершенной формы обоюдоострый клинок, рукоять из слоновой кости, идеально ложающаяся в руку, золотая изящная гарда, крупный рубин в луковиче на конце рукояти. А ножны... Это не ножны – это дивное лоно с золотым кружевом снаружи и красным бархатом изнутри. Не дело такую красу для бытовых нужд использовать – надо будет завести ножик попроще. А с другой стороны, чего мелочиться? Карьера стремительно прет в гору, да так, что в ушах закладывает. Вчерашний ратник-новобранец теперь уже рыцарь и комендант герцогского замка. Жалко, конечно, что на охоту не взяли, ну да, как говорит-

ся... Он не смог вспомнить подходящей поговорки. Допил последний глоток из кувшина и придумал сам: лучше быть первым в пехоте, чем последним на охоте.

Казарма, встроенная в крепостную стену, имела три этажа. На самом верхнем стояли катапульты для метания каменных ядер, а также чаны для смолы, дабы, расплавленную, лить ее надвигающегося по дороге к воротам противнику. Караульное помещение находилось на втором этаже.

Первым делом Закари направился к воротам по крытой галерее поверх крепостной стены. Ветер здесь был сырой и такой плотный, что приходилось продираться будто сквозь встречный поток воды.

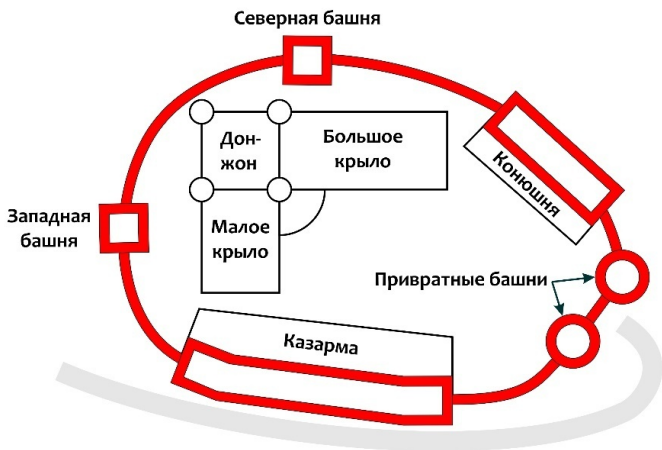
Один из привратников, как ему и было положено, находился в сторожке в правой привратной башне, второй, согласно предписанию, на смотровой площадке левой. Подъемный мост поднят и надежно закреплен.

Ратник в сторожке улыбался и преданно смотрел на начальство. Наверху стоял Бертран. Он был, вопреки обыкновению, угрюм и неприветлив. Возможно, его настроение испортили сквозняки, хозяйничающие под куполом башни, а может, он переживал из-за того, что после эпизода с гонцом из старшин был разжалован в рядовые.

– Сходите в караулку по очереди, погрейтесь. Там мясо, овощи. Давай, ты первый. И позови сюда Кристиана, я посмотрю пока, – приказал Закари.

Взгляд старика заметно потеплел. Звеня кольчугой, он убежал исполнять приказание.

В обступившей замок мокрой черноте не было видно ни зги. Однако, когда сверкали молнии, все вокруг освещалось яснее, чем днем; никто не смог бы подобраться к воротам незамеченным. Пока привратник поднимался на башню, молнии раскололи небо трижды. Это было завораживающе красиво. Отсюда, с башни на вершине холма, становилась видна вся окрестность: белая лента дороги, опоясывающая холм, дома у его подножия, рыночная площадь, крест церкви, поля и леса вокруг. Извив реки блистал серпом. Все очень контрастное, как на гравюре. Гром гремел не сразу – гроза отступала.

Пришел добродушный Кристиан, и Закари продолжил обход. Двигаясь по крепостной стене против часовой стрелки, он прошел над конюшней, которая, подобно казарме, сверху была устроена как вытянутое вдоль стены оборонительное сооружение. Миновал северную башню, приблизился к западной. Закари неприятно удивляло, что он так и не встретил ратника, обязанного ходить по стене туда и обратно. На посту должен был находиться Вольдемар, здоровенный малый, с явным удовольствием несущий службу. Тем более странно было не застать его на месте.

Тут сквозь раскаты удаляющейся грозы он услышал

странные звуки, показавшиеся поначалу плачем. Стараясь не шуметь, Закари заглянул внутрь башни.

Всполохи молний осветили следующую картину. Вольдемар что-то объяснял лежащей грудью в нише бойницы девице. Та, выставив в сторону ратника зад, смотрела на долину и, судя по возгласам, чему-то сильно удивлялась. Вольдемар совершал поступательные движения всем телом, как будто пытаясь протиснуться в бойницу, но зад девушки представлял для него непреодолимое препятствие, и ему приходилось вести наблюдение через ее голову. Прилежный служака не прекращал попыток, издавая звуки нечленораздельные, но явно жалобные – позиция для наблюдения была у него не самая удобная.

Закари хотел было одернуть подчиненного, но передумал. Следовало признать, что никакого вопиющего нарушения уложения о караульной службе не происходит. Дозор производится даже не одной, а двумя парами глаз. Девушка принесла караульному подкрепиться или попить – вот и винный мех валяется подле их ног на полу. Сие абсолютно не возбраняется, равно как и прогулки гражданского населения замка по стенам в любое время дня и ночи. Герцогство ни с кем сейчас войны не вело.

Придерживая меч за рукоятку, чтобы не брякнуть, Закари прокрался через башню. Парочка была так увлечена наружным наблюдением, что не обратила на него никакого внимания.

Он прошел по стене к казарме, замыкая обход периметра.

От казармы до жилых построек пришлось пробежаться под дождем. Это оказалось даже приятно: не слишком холодные струи освежили коменданта.

В малое крыло замка, в котором располагались кухня, комнаты для слуг и гостей низших рангов, он попал через черный ход, ведущий на кухню.

Вотчина Гвидо, занимающая вместе с кладовыми весь первый этаж, была пуста и чиста безупречно. Медные сковородки, кастрюли и поварешки блестели в свете свечи так, будто только что вышли из посудной лавки и ни разу не были в употреблении. Пахло здесь скорее не кухней, а оранжереей; всюду, где возможно, были расставлены горшки с живыми растениями, некоторые из них цвели и благоухали. Гвидо объяснял свое пристрастие к флористике так: там, где пахнет нечистотами, высокое искусство не живет. Дескать, для рождения кулинарных шедевров необходимы ароматы, а не кухонный смрад. Однако злые языки болтали, что шеф-повар использовал эти растения для приготовления колдовских зелий, Гвидо же в ответ на подобные обвинения лишь отмахивался и загадочно ухмылялся.

Наверх, где жили слуги, он подниматься не стал. Военному коменданту там нечего было делать, это была территория мажордома.

Пройдя крыло насквозь, Закари попал в вестибюль, имевший форму четверти круга. Парадный вход был закрыт из-

нутри на могучие запоры. Стены этого просторного помещения плотно завешаны портретами предков герцогов Альбрукских. На мозаичном полу стояли рыцарские доспехи из разных эпох и концов Света.

Закари отпер дверь, которая вела в большое крыло замка. Делать это было необязательно, но ему очень захотелось оказаться в этом величественном, напоминающем собор месте. Одному, ночью.

Все большое крыло занимал огромный двусветный зал с гигантским камином из белого мрамора в противоположной от входа стене. Камин являлся предметом особой гордости альбрукских правителей. Он был самым большим в стране, даже больше, чем в королевском замке. К тому же был изумительно красив. Искусная резьба на портале и панели, закрывающей дымоход, представляла разнообразные картины из рыцарской жизни: поединки конные и пешие, сцены охоты с гончими и соколами, а также веселые застолья в обществе обнаженных дебелих девиц. Центром композиции являлась панорама осады замка с доброй сотней нападающих и обороняющихся персонажей. В топке камина можно было жарить быка целиком на вертеле, дровами для него служили бревна.

Зал использовался для пиршеств, танцев и представлений. В особо торжественных случаях перед камином ставили герцогское кресло и зал становился тронным.

По обеим длинным сторонам протянулись колоннады,

ограничивающие коридоры, в которые выходили двери гостевых комнат для важных персон, сейчас пустующих.

Закари вышел на середину зала. Озаряемый молниями объем производил воистину магическое впечатление. Сводчатый потолок, перевитый резными балками, казалось, не был возведен простыми смертными, а мог появиться только по велению какого-то могущественного волшебника. Подавив острое желание закричать от восторга, комендант вернулся в вестибюль. Он поймал себя на том, что топает слишком сильно, чтобы насладиться многократно отраженными, постепенно затухающими между колон отголосками своих шагов.

Тяжелая, окованная железом дверь вела из вестибюля в донжон¹. Распахнутая сейчас, она запиралась изнутри только во время осады замка, если противник прорвется во внутренний двор. Правда, такого никогда не было за почти сто лет, прошедших с тех пор, как был построен Альбрукский замок – главный оплот герцогства.

Наверх в господские покои Закари подниматься не следовало, а вот подвал, в котором находились колодец, ледники и винный погреб, он посетить собирался. Повар рассказал коменданту о своем подозрении, что кто-то из прислуги сделал ключ от погреба и таскает хозяйское вино по ночам. Закари подумал, что если это правда, то сегодня как раз

¹ Донжон – главная башня замка, расположенная внутри крепостных сооружений.

такая ночь, чтобы, воспользовавшись отсутствием большинства домочадцев, совершить набег на герцогские закрома.

Дверь винного погреба оказалась притворена, но навесной замок болтался на одной из проушин запора, а сам запор отодвинут. У Закари весело забилося сердце от предвкушения приключения.

Он резко рванул на себя дверь и перепрыгнул через порог с фонарем в левой руке и мечом в правой.

– Именем герцога мордой в пол! – зарычал рыцарь.

За большой бочкой, стоящей посреди помещения, метнулся силуэт. На бочке светились свеча и серебряный кубок.

В следующий момент что-то пролетело мимо его головы и разбилось о стену сзади. Резко запахло вином.

– Какой негодяй смеет обнажать меч против герцогини Альбрукской? – прозвучал из темноты глубокий женский голос.

Закари мгновенно осознал свою ошибку, быстро спрятал оружие и встал по стойке смирно.

– Леди Мэргарет?! Что вы делаете здесь? – проговорил растерянно.

– Кто ты? Что за кретин? – выступила из темноты прекрасная герцогиня, глаза ее метали молнии.

– Закари Вентер, комендант замка, ваша светлость.

– Вы считаете, комендант, что я должна отчитываться перед вами в своих деяниях? – уже не так сердито поинтересовалась герцогиня.

– Ни в коем случае, ваша светлость, – отвечал он, глядя себе под ноги.

– И что это вы тут устроили? Будьте любезны объяснить-ся.

– Прошу простить меня, госпожа. Наш повар, Гвидо, просил меня поймать вора. Я совсем не ожидал застать здесь вас.

Большую бочку окружали несколько бочонков для сидения. Совершенно успокоившись, герцогиня присела на один из них.

– Я слышала о вашем подвиге. Вы храбрец и печетесь об имуществе своего сюзерена. Я не сержусь на вас. Будем считать произошедшее здесь забавным недоразумением.

– Благодарю, ваша светлость. Но я бы не стал называть бегство подвигом.

– Не скажите. В результате ваших действий были спасены очень серьезные средства.

– Полагаю, это такая мелочь для самого богатого герцогства королевства.

– Не скромничайте. Десятина от валового дохода за три месяца – очень серьезные деньги для нашей казны, уверяю вас.

Он молча склонил голову.

– Садитесь и вы, – попросила она, – возьмите на полке кубок для себя. Составьте мне компанию, поболтаем.

– Смею ли я досаждать вам своим присутствием?

– Не заставляйте меня повторять.

Закари повиновался. Взял кубок и кувшин взамен разбитого.

– Какое вино вы желаете?

– Альбрукское, конечно. Нет в мире лозы лучше, чем в виноградниках моего батюшки. Он был страстный энофил². Налейте из этой бочки, – она указала на самую потемневшую от времени. – Это вино он поставил бродить в самый год моего рождения.

Крепкое вино мгновенно впиталось в кровь и разлилось приятным теплом по телу.

– По нраву ли вам вино, сэр рыцарь? – лучезарно улыбнулась герцогиня.

– Оно превосходно! Этого года еще пробовать мне не доводилось... Истинная амброзия, ваша светлость.

– Но будьте осторожны, это вино укрепляет сердце, но омрачает рассудок, – и, как будто в подтверждение своих слов, попросила: – Напомните, как ваше имя?

– Закари, госпожа.

– Там гроза еще не кончилась? – здесь, в подвале, грома слышно не было.

– Нет. Но она удаляется, и, если верить старым костям нашего конюха, завтра будет ведро.

– Тогда давайте выпьем за хорошую погоду, – предложила она.

И осушив свой кубок до дна, вытерла губы рукавом до-

² Энофил – от др.-греч. οἶνος «вино» + φίλος «любовь» – любитель вина.

машнего балахона.

Немного помолчали.

– Когда я рассказывала вам об увлечении батюшки виноделием, назвала его энофилом. Вы сделали вид, что знаете это слово?

– Я, видите ли, сам своего рода энофил.

– Любопытно... – она в первый раз посмотрела прямо на него.

Он хотел выдержать взгляд, но опомнился и отвел глаза в сторону.

– Позвольте спросить, а почему вы здесь? Разве не удобнее было бы энофилировать в покоях наверху?

Она улыбнулась выдуманному им глаголу.

– Я боюсь грозы.

– То есть у вас грозофобия, ваша светлость?

– Бронтофобия будет вернее именовать этот недуг.

– То есть можно сказать, что бронтофобия, отягощенная энофилией, завели вас в это место и время?

– Если вы намерены возобновить допрос, господин комендант, то на этот раз я отвечу. Да. Это именно так, – она покаянно склонила голову. – Когда мне было восемь, разразилась гроза. В открытое окно кухни влетел огненный шар. Я находилась в главной башне. Здание трянуло так, что моя любимая фарфоровая кукла выпала у меня из рук и у нее откололась голова. Потом оказалось, что убило кота и покалечило кухарку. Но более всего мне было жаль куклу... С

тех пор я боюсь грозы и спасаюсь от этого страха вином.

Леди Маргарет грустно усмехнулась. Она казалась ему совершенной, но он никогда не смотрел на нее как на женщину, скорее как на произведение искусства.

Как на кресло герцога, которое выглядело как трон. Подлокотниками у него служили золотые грифоны, а спинка и сидалище были обиты кожей с брюха красного дракона. Когда Закари стоял в каминном зале сегодня, у него в голове проскочила шальная мысль: посидеть на этом кресле. Он тут же прогнал ее, сочтя глупой и недостойной. Также недостойно и самонадеянно было бы воцелеть герцогиню. Как не пожелал он залезть на герцогское кресло, точно так же не помышлял он ни о чем подобном и в отношении герцогини.

Дабы избежать ненужных разочарований, Закари всегда старался адекватно оценивать свои шансы на успех у женщин. Еще совсем недавно, будучи ратником, он претендовал на любовь фермерских и бюргерских дочерей, а иной раз и жен, но чаще всего кабацких шлюх. Став рыцарем, он еще не успел избрать даму сердца, но уже начал присматриваться иногда даже к баронессам... Но герцогиня! Нет. Пока это не его уровень.

Он почувствовал, что пауза в беседе неловко затянулась, в замешательстве встал и пробормотал:

– Ваша светлость, благодарю вас за честь вкусить в вашем обществе этого великолепного вина, но я должен возвращаться к своим обязанностям.

– Закари, я приказываю вам остаться и налить еще, – произнесла герцогиня нарочито капризно. – Пойдете, когда я вас отпущу.

Игривое настроение герцогини несколько озадачило рыцаря. Это было сказано столь многообещающим тоном, что у Закари екнуло в груди. Он наполнил кубки и осмелел настолько, что предложил такой тост:

– За вашу красоту, леди Маргарет! Она – самое главное богатство герцогства. И если бы сотня злоумышленников покусились на этот капитал, я вступил бы в бой и бился бы до победы или смерти.

– Скорее второе, мой друг. Вы вообще отдаете себе отчет? Стократное преимущество противника не оставляет вам никаких шансов. И мне бы тогда, мягко говоря, тоже не поздоровилось... Не разумней было бы все-таки убежать?

– Мне? Убежать с вами?

– А почему бы и нет? – задумчиво произнесла она.

Сердце заплясало в его груди.

Пригубив, он хотел было поставить кубок на стол, но ее рука помешала это сделать.

– До дна, рыцарь. До дна!

Когда Закари опустил от уровня глаз порожний кубок, неожиданно для себя не обнаружил Маргарет на месте. Она стояла в трех шагах с очень решительным видом. Повела плечами, и балахон упал к ее ногам.

– Я люблю вас, госпожа! – искренне вырвалось у него.

– Каков молодец... Хватит этой «госпожи» и «вашей светлости». Зови меня просто Гвиневэра. И давай на «ты», а то я не смогу расслабиться.

Он поднялся навстречу и пролепетал, стараясь сдерживать дыхание:

– Но Маргарет... а как же герцог?

– Это для всех остальных я Маргарет, а для тебя буду Гвиневрой. А ты моим Ланцелотом, – она пьяно, но обворожительно захохотала. – И помни. Если верность сохранить не получилось, придется хранить тайну.

6. День 3-й.

Самым страшным наказанием для пронумерованных обитателей ульев было лишение гипносна, которое можно было получить за нарушение трудовой дисциплины или общественного порядка.

Как привидения бродили такие «лишенцы» по улицам, не в силах уснуть без усыпляющего газа в своих обесточенных саркофагах. Пропуск одного сеанса еще можно было вынести и вернуться к нормальному режиму жизни. Но если больше... На вторые, максимум третьи сутки они начинали набрасываться на прохожих, тогда их отлавливали и сдавали в реабилитационные клиники. Там они быстро отказывались от антисоциальных мотивов в поведении и твердо уясняли, что такое профессиональная этика.

За систематические и серьезные преступления можно было получить лишение навсегда. Эта мера была подобна смертной казни. Пчела сначала отучается от гипносна, потом из-за неизбежной бессонницы теряет способность работать и, как следствие, перестает получать пищу. А когда становится опасной для окружающих, ей даже не пытаются помочь, а усыпляют, как собаку, без дара «Последнего сна».

Некоторые «лишенцы» уходили из города и становились «изгоями». Их никто больше не видел, и, наверное, конец их был печален; без работы и порции пластиковой каши разве

долго протянешь? Даже если они находили способ выжить, сохранить рассудок у них бы не получилось, по слухам, они сходили с ума максимум за неделю...

С самого раннего детства, когда человек только-только начинает соображать, его помещают в ИУС, в котором он проходит полный жизненный цикл. Сначала как «личинка» – период жизни до десяти лет. Личинкой он перестает быть, когда начинает работать. И вся жизнь его длится лет до шестидесяти, пока он способен трудиться.

Наградой за правильную и общественно полезную жизнь становился «Последний сон». Он длится всего месяц, но за этот месяц человек успевает прожить тысячу лет в виртуальном мире. Можно по своему усмотрению прожить несколько жизней, а можно только одну длиной в миллениум, и выбрать себе любую смерть. Например, спокойную, в кругу семьи: чтоб окружали его постель рыдающие домочадцы, жадно прислушивающиеся к последним словам, пока прекрасная жена, сжимает холодеющую руку. А можно героическую: на поле боя со знаменем в руках или на костре инквизиции, оставаясь верным своим прогрессивным идеалам. Причем дух уходящего в этот момент был настолько силен, что никакой боли, а только чувство выполненного долга. А можно было умереть незаметно для себя, например, во сне или в эпицентре ядерного взрыва.

Тысяча лет – более чем достаточный срок для того, чтобы провести множество репетиций и выбрать смерть по своему

вкусу. И вот тогда эта самая, последняя, смерть в виртуальном мире и совпадает со смертью физического тела.

Начальник вызвал 32/08 к себе в кабинет и объявил злое:

– Сегодня ты работаешь на улице. Помогай Сорок Один Одиннадцать, делай, что он скажет.

32/08 слышал от коллег, что Начальник отправляет работать на улицу провинившихся. Он догадывался, в чем провинился. Проходя мимо свалки, видел свой инструмент, которым вчера вычищал канавку, согнутый пополам кем-то очень недобрым...

41/11, угрюмый чернокожий оператор электропогрузчика, объяснил, что нужно делать. Прямо на бетонные плиты заводского двора были навалены кучи металлического мусора. Рядом, у стены, на четырех столбах, установлена большая прямоугольная металлическая воронка. Негр ковшом погрузчика засыпал в нее мусор, задачей 32/08 было закрепить под воронкой большой полимерный мешок и после заполнения мусором, пока негр увозил его на другой конец территории завода, подготовить следующий.

С первым мешком 32/08 замешкался. Мусор был сырым, то ли в воде, то ли в масле, и застревал на выходе из воронки. 41/11 взял стоящий тут же лом и подолбил по стенке воронки, мусор провалился. Стало ясно, почему воронка была вся помята.

Когда отгрузили несколько мешков, 32/08 почувствовал смысл наказания: солнце жарит нещадно, тени поблизости нет, лом тяжелый, комбинезон пропитался потом. Работа у медеплавильной печи уже не казалась такой адской...

На самом верху здания, в котором сидело заводское начальство, висел транспарант с красными буквами на белом фоне:

«КАЖДЫЙ ЗАСЛУЖИВАЕТ СМЕРТЬ ВО СНЕ!»

32/08 вдруг понял этот знакомый с детства слоган по-новому. До сих пор этот посыл воспринимался так: когда-то давным-давно люди умирали как бог на душу положит, чаще всего в мучениях и страшных судорогах, а теперь каждый может умереть комфортно. В перспективе же этого ужасного бесконечного рабочего дня посыл стал восприниматься в некоем циничном ключе: получается, что лучшее, что может заслужить человек, – это смерть.

Когда негр уехал в очередной раз, 32/08 решил повнимательнее изучить устройство приспособления, с которым ему приходилось работать. С одной стороны воронки он обнаружил засыпанный опилками, ржавый электромотор, у которого могло быть только два предназначения: либо переворачивать зачем-то воронку, либо... Из мотора выходил шнур, свернутый в бухту. 32/08 вставил вилку в скорее всего не случайно оказавшийся на ближайшей стене электрощиток, и нажал тумблер на моторе. Воронка завибрировала, и мусор самотеком пошел в мешок. Стало много легче – ломом

махать не нужно. На всякий случай он выключал мотор, когда приезжал электропогрузчик. 32/08 твердо уяснил, что начальство плохо реагирует на оптимизацию труда, и, если 44/11 расскажет Начальнику, как его напарник «отлынивает», тот придумает что-нибудь еще похуже.

Перед сном обессиленный 32/08 еле забрался в свой саркофаг. Искупался. Включил массаж. Стал просматривать отзывы игроков «Время ведьм». Потом накатал свой.

Досточтимые сэры и прекрасные леди нашего королевства!

А мне игра нравится.

Карьера прет, что ни сессия, то новый уровень. Интересное дерево скилов опять же. И главное – атмосфера. Такая, что хоть ложкой ешь ее – такая она сочная и вкусная...

Но хотелось бы что-то сделать с прогнозируемостью сюжета. Все повороты предсказуемы, как по дороге на работу. Рыцарь, баронет, барон, граф или маркиз, виконт или герцог, король. Фини́та. Давайте следующее средневековое мыло. А лучше в космос. Хотя и там все наперед известно...

ИМХО надо ломать игру. Я лично попробую.

7. Сон IV.

Утром в небе не было ни единого облачка. Омытая ночным ливнем долина реки Альба сияла, как только что отчеканенная монета. С вершины донжона окрестность в ясном воздухе просматривалась до самого горизонта.

Город Альбрук просыпался внизу у подножия холма, на котором стоял замок. Уже слышны были крики рыночных торговцев и звон наковальни в кузнице.

Маргарет, или, как теперь было велено ее называть, Гвиневра, спала, выпростав из-под одеяла изящную ножку. Закари полюбовался немного, но решил не предаваться утренним ласкам, потому что ночью отведал этих самых ласк презрительно. Нельзя, конечно, насытиться любовью впрок, но в ближайшую неделю он мог бы обходиться одними воспоминаниями об этой ночи. Он прикрыл конечность герцогини шелковым покрывалом и тихонько оделся.

Ночью, проведя какое-то время в винном погребе, они с герцогиней поднялись на самый верх донжона, в ее личные покои, где продолжали наслаждаться обществом друг друга до рассвета.

Верхний этаж главной башни замка изначально был предназначен для пребывания в нем только во время осады, но герцогиня настояла на том, чтобы устроить здесь свои личные апартаменты, состоящие из спальни и будуара. Спальня

герцога находилась ниже.

Служанка герцогини, кстати та самая, что навещала вчера ратника Вольдемара в западной башне, спала на кушетке в будуаре. Маргарет не стесняло ее присутствие, видимо, была уверена, что девушка сохранит их тайну. Любящий сейчас весь мир Закари наклонился к ней и поцеловал прямо в уста, а когда та проснулась и уставилась на него сначала испуганно, потом удивленно, он сказал, смеясь:

– Передай своей хозяйке этот поцелуй!

Быстро свершил он обход замка. Дневная смена ратников находилась на своих постах.

Как раз пришел обоз с охотничьими трофеями из трех телег. На передней, прямо на туше исполинского бурого медведя, восседал Гвидо. Эта телега была загружена шкурами хищников: волчьими, лисьими и куньими. На них развалился весь персонал кухни до последнего ложкамою. На втором возе были навалены олени, косули и кабаны. Над грудой туш торчали огромные лосиные рога. Последний воз был гружен мелкой и пернатой дичью. Головы зайцев, тетеревов, уток, диких гусей, куропаток и фазанов болтались на мертвых шеях по сторонам телеги.

Гвидо, по всей видимости пьяный, орал дурным голосом какую-то древнюю песню, в которой невнятные, но глобальные претензии к суровой действительности перекликались с готовностью в любой момент завершить бессмысленный

круг существования.

Закари наблюдал эту картину с приворотной башни.

– Если ты не прекратишь базлать, как раненный осел, дорогой Гвидо, я не велю впускать тебя в замок, – прокричал комендант.

– Извини, друг, – замахал руками повар. – Всю ночь под дождем ехали, чтоб мясо не испортилось. И только вино помогало нам согреться, а песни спасали ото сна. Открывайте же скорее! Клянусь никогда не петь больше, если мне позволят добраться до перины.

Кухонный персонал отправили домой с тем, чтобы завтра, когда герцог прибудет в замок, уже был бы готов стол с блюдами из свежедобытой дичи.

Ближе к вечеру, когда солнце уже заходило на посадку над лесом на западе, раздались звуки горна. Закари пришел к воротам и по озадаченным лицам привратников понял, что что-то не так.

За стенами слышался гомон множества голосов, на его фоне выделялись возгласы:

– Долой герцога!

И:

– Свободу!

Закари вышел на стену над воротами.

Вся дорога от ворот до низа холма была заполонена разнообразно вооруженными людьми. По большей части это были

горожане, но между ними сновали какие-то не очень опрятные люди в зеленых и коричневых накидках.

Очень странно было видеть во главе бунтовщиков бургомистра Альбрука – он дирижировал криками.

Закари поднял руку и дождался, когда смолкнут крики.

– Господин бургомистр, добрый вечер. Не соблаговолите ли объяснить, что происходит?

Однако бургомистр лишь насупился и отвечать не стал. Вперед вышел один из людей в накидках и прокричал:

– Святые угодники! Какая удача. Ты-то мне и нужен. Узнаешь?

Он снял капюшон.

– Питер. Одноглазый, – Закари, конечно же, сразу признал в нем давешнего знакомого. – Не скажу, что очень рад тебя видеть. Так это ты стоишь во главе этого сброда?

– Не очень-то это уважительно: называть сбродом честных бюргеров, – заметил Питер.

Толпа возмущенно загудела.

Переждав, разбойник продолжил:

– Коротко говоря, мятеж перерос в смуту, а та, в свою очередь, – в восстание. И я, как предводитель оного, объявляю бывшую обитель герцогов Альбрукских главным оплотом народного гнева. Предлагаю защитникам замка сложить оружие и открыть ворота. В этом случае обещаю сохранить вам жизни и рассмотреть возможность принять вас в ряды повстанцев. Иначе: месть, смерть, кровь и экскременты по

стенам.

– Понятно. Кажется, у меня дежавю. Я уже слышал нечто подобное в твоём исполнении. Сколько у нас времени на размышление?

– До утра. Мы знаем, что герцог с войском вернется завтра к вечеру, поэтому штурм начнем утром.

– Тебе хоть рассказали, что этот замок пережил с десятков осад и ни разу не открыл ворота врагам?

– У тебя шесть воинов и кучка дворни, комендант, а нас около тысячи. По кирпичикам замок разберем.

Закари, леди Маргарет и Гвидо устроили военный совет в каминном зале.

Повар притащил трех жирных рябчиков с ананасовым гарниром, чтоб скрасить трудный разговор. Герцогиня заявила, что никогда не осилит столько, но незаметно для себя умяла свою порцию и обсасывала теперь последнюю косточку.

– Я вообще не понимаю, как горожане решились на восстание? – задумчиво произнесла она. – Мой муж – добрый и мудрый правитель. Он никогда не притесняет своих подданных и дает им жить в свое удовольствие. Да, он строг в вопросе сбора налогов, но в наших землях налог ниже, чем в большинстве других земель королевства. Герцогство не воюет ни с кем уже десять лет и королю для участия в военных кампаниях своих вассалов не предоставляет.

– Полностью согласен с вами, ваша светлость, – исключительно почтительно, стараясь не выдать истинного отношения к герцогине, проговорил Закари. – Даже в дальней деревне, из которой я родом, все любят и при каждом удобном случае прославляют герцога, и, поверьте мне, совершенно искренне.

– Я тоже только хорошее слышал о герцоге Альбрукском, – поддакнул Гвидо. – Недаром же его прозвали Ренольд Золотое Сердце!

– Это могут быть происки старых завистников – графа Голуата или маркиза Мирланда, – предположила герцогиня.

– Очень может быть, – повар воздел указательный палец. – И сдается мне, на добрых бургеров наложили колдовские чары. У Питера Одноглазого в отряде есть ведьма, миледи Пропаганда...

Закари фыркнул от неожиданности.

– Неужели же Пропаганда?

– А что? Обычное латинское имя, – невозмутимо заметил повар. – Так вот эта Пропаганда очень сильная ведьма. Она может заморочить целые страны, полностью поменять образ мысли их граждан по щелчку пальцев. И боится она только правды. Но беда в том, что одурманенные Пропандой граждане правды слушать не станут. Я могу приготовить зелье прозрения. Этому рецепту научил меня дедушка, знахарь не из последних, оно поможет захватить их внимание на минуту, и, если за это время заставить их прислушаться

к гласу истины, чары Пропagанды падут.

– Не может быть, – выдавил Закари, еле сдерживая смех.

– Соберитесь, комендант, не вижу повода для веселья, – одернула его герцогиня. – Что еще мы должны знать об этой миледи?

Повар немного подумал.

– Не знаю, как это поможет, но эта ведьма та еще шлюха, в порыве страсти, я слышал, простите ваша светлость, она лижет анус своему очередному покровителю.

– Фу, – герцогиню передернуло от отвращения. – Надеюсь, это никак нам не пригодится. И откуда только тебе известны столь мерзкие подробности, Гвидо?

– Госпожа, я был владельцем лучшего трактира в столице, каких только откровений там не доводилось выслушивать...

Закари в очередной раз с трудом совладал с приступом веселости.

– И как же нам применить это твое зелье?

Гвидо почесал затылок.

– Полагаю так. Сегодня они будут готовиться к завтрашним военным действиям. А как добрые бюргеры это делают? Конечно же, предаваясь возлияниям. А где они будут это делать? Конечно же, в «Баобабе». А его владелец – мой ученик по части кулинарного искусства. Я договорюсь с ним, он поможет. Я надеюсь, из замка есть тайный ход?

Комендант кивнул.

Было за полночь, но в «Баобабе», самом популярном трактире Альбрука, все места за столами были заняты. Многие пили сидя или даже лежа на полу. Горожане готовились к завтрашнему штурму, усердно уничтожая запасы пива, вина и сидра из кладовых «Баобаба».

За центральным столом в окружении городских старост и глав ремесленных гильдий восседал бургомистр. Здесь же находился знаменитый на все герцогство алхимик Арчибальд Альбрукский, главным научным открытием которого стал вовсе не способ добычи золота из свинца или алмазов из угля, а напиток под названием *Aqua Igneus*, получаемый путем перегонки белого вина с помощью алхимического куба. Этот напиток кружил головы гораздо сильнее вина, это и было причиной, по которой алхимика приглашали на все более или менее значимые городские события.

Вдруг бургомистр подпрыгнул на своем месте.

– Сэр Вентер?! – вскричал он испуганно, но уже в следующий момент приказал: – А ну взять его!

Закари, который неизвестно откуда появился перед столом с городской элитой, поднял над головой склянку с зельем Прозрения.

Кинувшиеся к нему было люди остановились в нерешительности.

Склянка ударилась об пол. Разбрызгавшаяся жидкость мигом обратилась в пар.

И будто бы подул свежий ветерок, напоенный роднико-

вой прохладой. Он мгновенно вытеснил из помещения кухонный смрад и алкогольный перегар. Их место заняли ароматы листвы и луговых цветов, как будто прокопченные стены исчезли и все оказались на лесной опушке в ясный весенний день.

«Да, – подумал Закари, – наверное, так и должна пахнуть истина».

Он заговорил:

– Прошу выслушать меня не из бывшего уважения к нашему господину, который для многих из вас стал крестным или посаженным отцом. Прошу внимать мне ради вас самих.

Вы находитесь во власти чар, которые наслала на вас коварная ведьма... – тут рыцарь почувствовал, что его снова начинает разбирать смех, и имя ее он произносить не стал. Образовалась пауза. Люди, под действием зелья, молча ждали, что он скажет, но Закари помнил, что времени всего минута, поэтому поскорее продолжил: – Заклинаю вас, подумайте, что вы творите. Если победят враги герцога, вас ждут нужда и голод. Богатства герцогства растащат завистливые соседи, а сам Альбрук утратит свой гордый статус оплота свободных земель. В замке на холме, который вы собираетесь штурмовать утром, поселится деспот, который возненавидит наш народ и пожелает разорить и поработить его. Именем герцога призываю вас вспомнить свои вассальные и верноподданнические обязательства и немедленно вернуться под сень его знамен.

После того как он замолчал, трактир какое-то время безмолвствовал.

Потом слово взял бургомистр:

– Господин комендант, вам, как представителю единственно законной власти, приношу извинения от имени граждан города Альбрука. Ей богу, бес попутал...

Одноглазый проводил досуг на втором этаже трактира в комнате для гостей со своей ведьмой. Когда Закари открыл ногой дверь, снеся крючок, кто-то метнулся к окну, посыпалась слюда, захлопали крылья. Питер сидел на постели и тарщился злым циклопом.

– А ну вставай-ка, приятель, да срам прикрой. Хочу устроить тебе небольшую экскурсию по ночному Альбруку, – приказал комендант.

Должность пыточного палача упразднил еще Карл Велеречивый, поэтому в комнате для допросов в подвале донжона на всем лежал толстый слой пыли, кроме самого пыточного ложа. Питер ухмыльнулся, усаживаясь на нем по приказу Закари.

– Я гляжу, у вас гуманизм тут процветает?

– Ну как сказать... Я тебя долго пытаться не стану, – комендант крутил в руках какой-то жуткий, отвратительно позвякивающий прибор, взятый со столика для изуверских инструментов. – Ты немалого достиг на своей стезе; предводи-

тельствуешь целым восстанием. Хочешь остаток пути брести в темноте? Так я тебе это устрою. Просто выну тебе второй глаз, как это хотел сделать наш славный гонец, который погиб по твоей вине. Или говори, кто тебя нанял! Граф Голуат? Маркиз Мирланд?

Разбойник ощерился.

– Вынимай! Даже интересно. Слепым я еще не был.

– Представляю, как это невесело... А расскажешь правду, я отпущу тебя. Вернешься к своим соратникам, и игра продолжится.

Разбойник подумал.

– Хорошо. Допустим, это граф. Я не понимаю только, откуда у тебя гарантия, что я скажу правду? – гримаса угрюмого веселья снова исказила его лицо.

– Подожди немного, гарантии будут, – мрачно произнес Закари.

Они помолчали. Разбойник стал дрыгать ногой, выдавая волнение, но, заметив, что за этим наблюдает комендант, перестал.

Тут ржавые петли лязгнули, и, пригнув голову, чтобы пройти в дверной проем, вошел Гвидо. При виде старого знакомого одноглазый еще пуще развеселился.

– Гвидо, дружище, какими судьбами? Что делаешь ты в этой глуши?

– Я бы обрадовался тебе, Питер, если бы увидел у себя в «Приюте эпикурейца», но не в этих обстоятельствах. Трак-

тир сожгли, теперь я служу герцогу, а ты пришел сюда, чтобы причинить зло моему доброму господину. Но я по старой памяти приготовил для тебя угощение.

Повар поднес к носу разбойника склянку с какой-то опалесцирующей жидкостью.

– Что это? – Питер отшатнулся.

– А это, дружище, зелье Правды. Мой дед, царствие ему подземное, научил меня и этому рецепту. Сейчас ты выпьешь, и, если в течение получаса скажешь хоть слово неправды, из ушей у тебя пойдет кровь, потом глаза вылезут из орбит... прости, глаз, и в итоге глупая голова твоя лопнет.

– Я не буду пить это дерьмо!

– Пей! Или, клянусь своим половником, я найду способ влить в тебя этот отвар! – таким грозным Закари его еще не видел.

Питер протянул руку к склянке.

– Головы мне не жалко, расскажу правду только для того, чтобы увидеть дурацкое выражение ваших лиц.

Через минуту Гвидо кивнул Закари.

– Ну! Говори, кто тебя послал? Клянусь, он станет моим личным врагом, – приказал комендант.

Питер засмеялся.

– Никакой это не граф и не маркиз, приятель. Это сам король. Это он приказал мне захватить замок и герцогиню. Это он дал мне Пропаганду в помощь.

После долгой паузы Закари встрепенулся.

– Хорошо. Тогда еще один вопрос. Это правда, что миледи использует не совсем обычные ласки?

– Пошел ты к дьяволу! – разозлился разбойник.

– Отвечай! У зелья есть еще свойство: башка точно так же лопнет, если ты откажешься отвечать, – осадил его Гвидо.

– Это правда, – одноглазый был заметно сконфужен. – Я поначалу даже испугался, но потом втянулся. Положа руку на сердце, боюсь, что теперь без дополнительной стимуляции не смогу...

8. День 4-й.

Сразу после того, как саркофаг произвел гигиенические процедуры, 32/08 написал в службу поддержки отзыв, в котором выразил недовольство по поводу отсутствия фантазии у создателей игры «Время ведьм». Прimitивные ники, являющиеся отображением функционала персонажа, обесценивают сюжет и делают игровой процесс менее реалистичным – это дурной тон, по мнению 32/08, называть так NPC³ или позволять игрокам выбирать такие ники для аватаров. Чтобы не показаться предвзятым, он похвалил имеющуюся в игре возможность обходиться без излишней жестокости. Средневековые... все понятно, но от переизбытка кровищи можно устать и перестать испытывать сильные эмоции.

Судя по всему, хитрость с мотором была замечена. Или напарник настучал, или Начальник посмотрел записи с камер наблюдения, которые накрывали всю территорию завода. Провод к мотору, заставляющему воронку вибрировать, был обрезан.

32/08 с детства был приучен к дисциплине и субординации, но тут душа его заклокотала. Он представил, что всю смену придется колотить проклятым ломом по треклятой

³ NPC – от *англ.* «nonplayable character», персонаж, управляемый искусственным интеллектом, а не человеком.

воронке, и у него даже спину заломило авансом.

После четырех часов работы спина действительно заболела. Каждый удар по воронке отдавался в позвоночнике, а мышцы забились так, что руки почти перестали сгибаться в локтях.

После обеда, с трудом поднявшись из-за стола, 32/08 решительно направился к производственному корпусу.

Начальника он застал в кабинете.

– Почему ты снова поставил меня работать на улице?

– С какой это стати я должен объяснять тебе свои решения? – Начальник даже побледнел от злости.

– Потому что я не могу работать на солнце второй день подряд. Я не чернокожий, – он понимал, что жаловаться на боль в спине и усталость было бы нелепо.

– А чем ты лучше чернокожего?

– Да не в этом дело, – с досадой на то, что его неправильно поняли, ответил 32/08. Он оттянул воротник рубы. – Я физически не могу столько находиться на солнце, у меня шея обгорела.

– Ну так намотай на нее полотенце. И живо! Обеденный перерыв пять минут назад кончился.

Он взял с полки позади себя белую тряпку и кинул ее подчиненному.

– Но это несправедливо...

– Чего? – Начальник мрачно расхохотался. – Несправедливо? У тебя что, в башке помутилось? Не знаю, в какие иг-

ры ты играешь во сне... Проснись, пчела! Еще одна минута потерянного времени, и у тебя будут большие неприятности.

32/08 уже сориентировался в реальностях, но боевой запал его никуда не делся.

– Я на улице работать отказываюсь!

До развозки ему пришлось просидеть в заводской столовой. Скамейки тут были жесткими и узкими, чтоб не расслаивались. 32/08 метался между рядами столов и переживал; он осознал всю катастрофичность ситуации, в которую завела его аристократическая горячность, странным образом просочившаяся в реал из средневековой сказки.

С этой работы его наверняка теперь уволят. А что может быть хуже? Пока бюро по жизнеустройству подыщет ему новую работу, он будет отключен от виртуальной реальности. И если он не сойдет с ума за дни отлучения, работать, возможно, придется по первой, а то и по второй категории, а это означает – гораздо меньше времени проводить в волшебных сновидениях.

Но вопреки всему в глубине души 32/08 тлела гордость, и он не понимал, почему в виртуальном мире он может быть героем, а в реальной жизни – безропотной рабочей скотиной.

За несколько минут до окончания рабочего дня в столовую зашла совсем молодая девчушка из отдела кадров. Она изо всех сил старалась выглядеть сердитой.

– У меня для тебя две новости, пчела. За то, что ты отработал всего четыре часа из двенадцати, тебя лишат двух третей игрового времени во сне. Это плохая.

Она интригующе помолчала.

– Но есть и хорошая. На первый раз тебя не уволят, я все уладила.

32/08 просиял. Это был вариант, который он даже предположить себе боялся.

– Не забывай – ты рабочая пчела. Причем золотая, а это значит, что должен тяжело работать, – наставительно сказала девчушка. – Завтра у нас с тобой проблем не будет?

Он замотал головой и сморщился от боли – обгоревшая шея саднила.

9. Сон V.

Когда Закари, Гвидо и Маргарет собрались в каминном зале, чтобы посоветоваться перед самым приездом герцога, комендант заявил о своем намерении рассказать обо всем без утайки.

Повар кашлянул и возразил:

– Я бы на твоём месте не спешил очернять короля в глазах герцога... Если это окажется неправдой, ты будешь, мягко говоря, нелепо выглядеть. Герцог решит, что ты интриган, и это может плохо сказаться на твоей карьере при альбрукском дворе.

Закари посмотрел на него как на ненормального.

– Ты не выспался, друг мой? Или напился с утра? Как это может быть неправдой? Ты же сам влил в глотку Одноглазого зелье Правды, и голова его не взорвалась после слов о короле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.